

Литература и границы: Кавказ в русской литературе. Осип Мандельштам и Андрей Битов

Тадаси НАКАМУРА

1. При тяжести «воображаемого сообщества»

«Граница», являющаяся элементарнейшим инструментом семиотики, связывается, в первую очередь, с вопросом идентичности: она отделяет, прежде всего, «свое» от «чужого». По этому поводу Ю.М. Лотман в 1968 году пишет следующее:

Дано двумерное (плоское) пространство. [...] Тогда граница делит плоскость на две области — внешнюю и внутреннюю. Самой простой семантической интерпретацией такой модели культуры будет оппозиция: мы \longleftrightarrow они. [...] Поскольку внутреннее пространство замкнуто, заполнено конечной группой точек, а внешнее — разомкнутое, то естественным является истолкование оппозиции «внутреннее \longleftrightarrow внешнее» в качестве пространственной записи антитезы «организованное (имеющее структуру) \longleftrightarrow неорганизованное (не имеющее структуры)». В различных текстах культуры она может получать разного рода интерпретацию, реализуясь, например, в оппозиции: свой народ \longleftrightarrow чужие народы...¹

1 Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 392–393.

В онтологическом плане в принципе «границ» не существует. Их условность доказывается хотя бы тем историческим фактом, что даже самые авторитетные в новом времени границы — государственные (или национальные) — нередко изменялись и изменяются до сих пор. Проведение границы — всегда условное действие. «Свои» и «чужие», образующиеся в результате проведения границы, — не реальность, а продукт общественной иллюзии. Иными словами, обе эти группы представляют собой не что иное, как «воображаемое сообщество». Однако, чтобы быть более точным следует сказать, что хотя «свои» и «чужие» это условность, но в то же время и реальность.

«Воображаемое сообщество» — это название эпохального сочинения Бенедикта Андерсона.² Это заглавие вызывает представление, что главная цель автора состоит в выявлении условности и необоснованности понятия «нация». Однако такое представление верно только наполовину. Действительное назначение книги состоит скорее в том, что она освещает закономерный процесс формирования наций в конкретных исторических условиях.

Об условности границы, отделяющей «своих» от «чужих», и о необоснованности происхождения наций можно говорить лишь рассматривая этот процесс с трансцендентной по отношению к историческим условиям точки зрения. Перед глазами же тех, кто находится в данных конкретных условиях, кто родился и живет внутри рамок уже состоявшейся нации, граница и нация появляются как онтологическая реальность, от которой избавиться крайне трудно.

Проведение границы является насильственным действием в том смысле, что оно делит непрерывное пространство на две области: внешнюю (их) и внутреннюю (нашу). Вальтер Беньямин в статье «Критика насилия»³ указывает на двойственную природу государ-

2 Benedict Anderson, *Imagined Communities: Reflections of the Origin and Spread of Nationalism*, rev. ed. (London: Verso, 2006).

3 Walter Benjamin, *Zur Kritik der Gewalt* (1921). Японский перевод: *Bouryoku Hihan Ron: Hoka 10 Pen*, ed. and trans. NOMURA Osamu (Tokyo: Iwanami Syoten, 1994), pp. 27–65.

ственного насилия: оно «учреждает» закон и «охраняет» его. Беньямин считает первую функцию базовой, основной. Закон не только использует насилие второго рода как средство для сохранения порядка, но и с самого момента, когда он был учрежден, со своего возникновения, включает в себя насилие первого рода и последовательно сопровождается им. Здесь суть в том, что данное первоначальное насилие скрыто от людей, которые живут в рамках этого закона.

То же самое можно сказать и в отношении «нации», так как Беньямин в статье говорит именно о предварительном ограничении кругозора или диапазона сознательности, которое учрежденные рамки заставляют живущихся в ней людей принять. Перед людьми, находящимися во внутренней области границы, «свой народ» и «чужие народы» проявляются как онтологические реальности, потому что от них скрыто то насилие, которое путем проведения границы учредило этих самых «своих» и «чужих».

Постколониальный дискурс должен быть высоко оценен как попытка потрясти и разрушить границу, которая выглядит неподвижной реальностью из внутренней перспективы, и как сопротивление учреждающему нацию насилию. Однако во многих случаях в этих попытках внимание сосредоточено на сфере дискурса, как будто передвижение границы в этой сфере прямо означало бы преодоление насилия нацией, хотя эта нация уже превращается в реальность в сфере жизни. Нам кажется, что постколониализм смешивает две разные сферы: сферу дискурса (сознания) и сферу жизни (существования), тем самым недооценивая мощный потенциал насилия, которым обладает представление, превратившееся в реальность — то, что мы называем нацией. Постколониальный дискурс в своей сфере постоянно потрясает образующую нацию границу, а нация же все равно применяет свою суровую силу в сфере жизни.

Вопрос о представлении Кавказа в русской литературе в первую очередь является вопросом изображения «чужого» в России. Как указывают многие исследователи, пробуждение национального самосознания тесно связано с формированием национальной литера-

туры. В этом отношении Россия тоже не была исключением. В связи с войной против Наполеона русская интеллигенция приобрела национальное самосознание, а в 1820-х годах также сформировала литературный язык и национальную литературу. Так как именно в то время Российская империя завоевывала Кавказ, этот регион и так называемые «горцы» стали для русских наиболее четко осознанными «чужими». Как указывает Сьюзен Лейтон, это осознание происходило главным образом через литературные произведения.⁴

Наша работа во многом развивает предыдущие исследования по этой теме. Объектом настоящей статьи является представление Армении двумя русскими писателями XX века: «Путешествие в Армению», стихотворный цикл «Армения» и другие стихи Осипа Мандельштама, а также «Уроки Армении» Андрея Битова. Нашей главной целью является выяснение отношения между «собой» и «чужим» в этих произведениях.

Мандельштам и Битов каждый по-своему пробовали перейти границу для того, чтобы встретиться с «чужим», но это было для них не такой легкой задачей. Оба литератора мыслили об Армении, основываясь, конечно, на своем родном языке — русском. Но это уже означает, что даже их внутренняя речь предварительно была определена этим языком и ограничена его рамками.⁵

В общем, при написании нового произведения литератору представляются предшествующие стихотворения или проза, имеющие какое-то отношение к тому, о чем он пишет. Это тем более применимо к Мандельштаму и Битову, в основе творчества которых лежит интертекстуальность. В вышеуказанных произведениях у них четко отражается память представления о Кавказе в русской литературе начиная с XIX века. В этом смысле можно даже сказать, что при их написании Мандельштам и Битов со своей стороны также

4 Susan Layton, *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).

5 Здесь имеется в виду теория Л.С. Выготского об овладении ребенка языком (См.: *Выготский Л.С. Мышление и речь. Психика, сознание, Бессознательное.* М., 2001).

оказались перед лицом насилия традиции русской литературы.

На насилие, которое содержало представление о Кавказе в русской литературе XIX века, уже было указано во многих работах, на которые во многом опирается настоящая статья. При этом, однако, наше направление несколько отличается от работ в духе постколониализма. Наш интерес скорее сводится к вопросу о том, как литератор, воспитанный и находящийся в рамках господствующего языка и культуры, относился к насилию, неизбежно сопровождающему сам процесс написания на «своем» языке о «чужом».

2. «Путешествие в Армению» и другие: О. Мандельштам (1930)

Осип Мандельштам (1891–1938) посетил Армению в 1930 году и на основе впечатлений того времени написал стихотворный цикл «Армения» (1930), «Ламарк» (1930) и другие стихотворения, а также прозаическое «Путешествие в Армению» (1933). В истории русской литературы Мандельштам, наряду с Николаем Гумилевым и Анной Ахматовой, определяется как поэт, представляющий акмеизм. Поэты этой школы облекали литературу и культуру доверием к их автономному значению, ярким проявлением чего является известное определение Мандельштамом акмеизма как «тоска по мировой культуре».

Зачем же Мандельштам стремился в Армению? При сталинском режиме для осуществления своего путешествия ему нужно было преодолеть много препятствий. Он должен был несколько раз ходатайствовать и, несмотря на это, был вынужден один раз отказаться от поездки перед самым отъездом. Но он не обращал внимания на официальные предложения поехать в другие регионы и мечтал посетить именно Армению.

Причину стремления Мандельштама в Армению жена поэта Надежда Мандельштам в своих воспоминаниях объясняет так:

Убеждение, что культура преемственна, как благодать, и что без нее вообще нет истории, привело к тому, что у О. М(андельштама) была

своя святая земля: Средиземноморье. [...] В сферу Средиземноморья он включил Крым и Закавказье. [...] 'Земля, по которой учились первые люди,' была местом настоящего паломничества О. М(андельштама). [...] Его тянуло только в Крым и на Кавказ. Древние связи Крыма и Закавказья, особенно Армении, с Грецией и Римом казались ему залогом общности с мировой, вернее, европейской культурой.⁶

Следует осторожно относиться к воспоминаниям близких людей о писателе, потому что они часто неосознанно склоняются к его возвеличиванию. Но в этом случае данное объяснение, если учесть все творчество поэта, полностью правдоподобно. По Мандельштаму, первоисточником мировой культуры было Средиземноморье, к которому, как явствует из легенды о Ноевом ковчеге, принадлежала и Армения. Она была для поэта одним из немногих источников «мировой культуры», находившихся на территории Советского Союза. Для Мандельштама, поэта акмеизма, который заключал в душе «тоску по мировой культуре», путешествие в Армению было не чем иным, как возвращением к истокам своей поэзии.

Рассмотрим представление Мандельштама об Армении, основываясь главным образом на его «Путешествии в Армению». Данное произведение, как и другая проза Мандельштама, имеет осложненную структуру, в которой переплетены разные времена и места, попеременно появляются несколько тематических серий в параллельном, но самостоятельном отношении, каждый раз развиваясь по своей линии. А здесь мы хотели бы прежде всего обратить внимание на линию «языка», так как именно язык всегда был ядром поэтики Мандельштама.

Для поэта, глубоко убежденного в автономном значении литературы, ключом к вхождению в Армению был, прежде всего, ее язык:

6 Nadezhda Mandelstam, *Hope against Hope: A Memoir* (New York: Atheneum, 1970). Цит. по: *Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 1991. С. 593.*

Армянский язык — неизнашиваемый — каменные сапоги. Ну, конечно, толстостенное слово, прослойки воздуха в полугласных. Но разве все очарование в этом? Нет! Откуда же тяга? Как объяснить? Осмыслить?

Я испытал радость произносить звуки, запрещенные для русских уст, тайные, отверженные и, может, даже, — на какой-то глубине постыдные.⁷

Мандельштам изображает армянский язык и как «могучий язык, на котором мы недостойны говорить, а должны лишь чураться в нашей немощи».⁸ Для него привлекательность армянского языка состояла главным образом в том, что в нем есть звуки, не существующие в русском языке. В одном его стихотворении есть фраза: «Дикая кошка — армянский язык — мучит меня и царапает ухо».⁹

Однако для точного описания мысли Мандельштама нам следовало бы сказать так: «звуки, потерянные в русском языке». Ашот Ованесьян, который учил поэта армянскому языку, упоминая о яфетической теории, указывал на то, что русское слово «голова» и армянское слово «глух'е» этимологически имеют тот же самый корень.¹⁰ Поэт вместе с ним считал этот 'факт' доказательством того, что в древние времена два языка были одним и тем же: русский язык, постепенно меняясь, терял изначальное звучание, а армянский до сих пор остается в том же самом положении, что и в древности. А если так, то обучение произношению армянского языка — не что иное, как восстановление потерянных изначальных созвучий:

Видеть, слышать и понимать — все эти значения сливались когда-то в одном семантическом пучке. На самых глубинных стадиях речи не

7 Там же. С. 170.

8 Там же. С. 142.

9 *Мандельштам. Собрание сочинений. Т. 1. С. 156.*

10 *Мандельштам. Собрание сочинений. Т. 2. С. 144.*

было понятий, но лишь направление, страхи и вожеления, лишь потребности и опасения.¹¹

Язык, теперь уже превратившийся в простое орудие разума, на его изначальной стадии был воплощением чувств и ощущений человека по отношению к миру. Произносить армянскую речь — это для поэта то же самое, что восстанавливать изначальное состояние и непосредственность языка, давно потерянные в его родном языке.

В общем, Мандельштам не замечает разрыва между русским и армянским языками частично из-за того, что он не отличает «голос» от «письменности». Во всем «Путешествии в Армению» интерес поэта сосредоточен на фонетической стороне армянского языка, но совсем отсутствуют описания его своеобразного старинного алфавита. Поэт часто говорит о произношении армянских слов («вода по-армянски — джур, деревня — гьюр»¹²), но не обращает внимания на тот факт, что эти слова обычно пишутся армянскими буквами. Для Мандельштама, который придает существенное значение не письменности, а лишь произношению, основанному, в принципе, на функциях человеческого тела, возвращение к истокам языка, иными словами, путешествие вспять по истории языка от русского к армянскому, было, конечно, нелегкое путешествие, но он смог достигнуть своей цели.

Кроме линии «языка» в «Путешествии в Армению» можно отметить и другие тематические линии, в которых изображено аналогичное возвращение в изначальное состояние. Наиболее интересна для нас линия, упоминающая о теории эволюции Ламарка:

В обратном, нисходящем движении с Ламарком по лестнице живых существ есть величие Данта. Низшие формы органического бытия — ад для человека.¹³

11 Там же. С. 144–145.

12 Там же. С. 142.

13 Там же. С. 164.

Французский биолог Ламарк (1744–1829) в своем сочинении «Зоологическая философия» описывает эволюцию животных, начиная с млекопитающих, в обратном порядке от продвижения биологической истории.¹⁴ Читатели этого сочинения, следуя за его описанием, постепенно нисходят по лестнице эволюции с высоты человека до самых первоисточников жизни. Мандельштама, который узнал об этом биологе, наверное, через «Творческую эволюцию» Анри Бергсона (1859–1941),¹⁵ заинтересовала именно данная последовательность описания.

В «Путешествии в Армению» это «нисхождение» находится в параллельном отношении с возвращением поэта к началам языка. Это ясно показывает, что путешествие в Армению для Мандельштама было не что иное, как поэтическое паломничество с целью, по выражению Б. Гаспарова, «преодолеть образовавшийся ‘провал’, вернуть утраченное единство с первоосновами».¹⁶ Мечта о возвращении в еще не разделенную и единую, изначальную природу — в этом плане «Путешествие в Армению» продолжает линию таких литературных произведений XIX века, как «Кавказский пленник» Пушкина, поздние стихотворения Лермонтова, «Казачи» Льва Толстого и многие другие.¹⁷

В стихотворении «Ламарк», написанном Мандельштамом в мае 1932 года, почти одновременно с «Путешествием в Армению», эта мысль проводится еще более четко. Это стихотворение уже под-

14 Jean Baptiste Lamarck, *Philosophie Zoologique* (1809). Японский перевод: *Doubutsu Tetsugaku*, trans. KOIZUMI Makoto and YAMADA Yoshihiko (Tokyo: Iwanami Syoten, 1954).

15 Henri-Louis Bergson, *L'Évolution créatrice* (1907). Японский перевод: *Souzouteki Shinka*, trans. MAGATA Norimichi (Tokyo: Iwanami Syoten, 1979).

16 Гаспаров Б.М. Ламарк, Шеллинг, Марр. Стихотворение «Ламарк» в контексте «переломной» эпохи // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М., 1994. С. 208.

17 Литераторы XIX века — в частности, его первой половины — стремились найти «возвышенное (sublimity)» в природе Кавказа и также счесть людей Кавказа за «святой дикарь (saint savage)».

робно рассмотрено в вышеупомянутой статье Б. Гаспарова, к которой нам мало что остается прибавить. При этом интересно отметить структурное сходство «Ламарка» со стихотворением «Кавказ», которое было написано Пушкиным в 1829 году во время его второго путешествия на Кавказ:

ЛАМАРК¹⁸

Был старик, застенчивый, как мальчик,
Неуклюжий, робкий патриарх...
Кто за честь природы фехтовальщик?
Ну конечно, пламенный Ламарк.

Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.

К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав средь ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.

Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.

Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет, — ты зришь в последний раз.

Он сказал: довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта любил:
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

КАВКАЗ¹⁹

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отसे я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по значным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

18 *Мандельштам*. Собрание сочинений. Т. 1. С. 177–178.

19 *Пушкин А. С.* Сочинения в трех томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1978. С. 272.

И от нас природа отступила —
Так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила,
Словно шпагу, в темные ножны.

И подъемный мост она забыла,
Опоздала опустить для тех,
У кого зеленая могила,
Красное дыханье, гибкий смех...

Сходство обоих стихотворений заключается в том, что описание начинается с определения расположения поэта на вершине вертикальной структуры (горы, лестницы эволюции). В процессе стиха его взгляд постепенно спускается все ниже. При этом разница между ними в том, что в «Кавказе» расстояние между поэтом и Кавказом абсолютное в том смысле, что субъект и объект, разделенные высотой (*sublimity*), никак не могут сблизиться или слиться друг с другом, тогда как в «Ламарке» сам поэт в своем нисходящем движении по лестнице эволюции подвергается дегенерации, теряет зрение и слух, а в конце стиха доходит до начальной фазы жизни, где разделение субъекта и объекта вообще не имеет никакого значения.

«Путешествие в Армению», написанное почти в одно время со стихотворением «Ламарк», было для Мандельштама не что иное, как возвращение в хаотичную первооснову бытия, где все неразделено, включая описываемого субъекта и описываемого объекта.

Мандельштам не замечает разрыва между собой и Арменией. Он вплетает все грани Армении в свой текст со сложной, но полностью логичной структурой. То же самое можно сказать и в отношении его других произведений, касающихся Армении. В восьмом стихотворении цикла «Армения» данный регион изображается как накопление следов цивилизаций, существовавших на этой земле:

Не развалины — нет — но порубка могучего циркульного леса,
Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства,
Рулоны каменного сукна на капителях, как товар из языческой разграбленной лавки,
Виноградины с голубиное яйцо, завитки бараньих рогов

И нахохленные орлы с совиными крыльями, еще не оскверненные Византией.²⁰

В тринадцатом стихотворении того же цикла Армения уподобляется книге («Над книгой звонких глин, над книжною землей, над гнойною книгою,...»).²¹ По Мандельштаму, земля Армении была собранием следов прошлого, ожидающих, что они будут найдены. Для него путешествие в эту землю было продолжением странствия по лесу книг и встречей с новой книгой. Правда эта книга была не такой простой, но, в конце концов, постичь ее было возможно, потому что сама книга «притягивала»²² к себе поэта для того, чтобы быть дешифрованной им.

Мандельштам рассматривал чтение как интерактивное движение читающего субъекта и читаемого объекта, стремящееся к гармонии и слиянию обеих сторон. Поэт смутно опасался того, что в результате чтения субъект сможет подчинить себе объекта, не опасался насилия, которое сопровождает сам процесс чтения, т.е. дешифровки «объекта-чужого» по «своему» коду.

Возвращение в Армению к первоисточнику «мировой культуры» и обучение произношению армянского языка — это спускание в колыбель языков мира. Для Мандельштама в Армении все подлежало открытию, дешифровке, так как он считал, что все на этой земле является корнем и источником его языка и культуры. Путешествие Мандельштама на Кавказ точно следовало традиционному образцу русской литературы XIX века, а поэт, убежденный в автономности и универсальности литературы, не сомневался в том, что Армения полностью и исчерпывающе раскрывает перед ним свой облик.

20 Мандельштам. Собрание сочинений. Т. 1. С. 153.

21 Там же. С. 155.

22 «Тяга», «притягивать», «притягивание» и т. п. со стороны Армении являются ключевой концепцией в «Путешествии в Армению».

3. «Уроки Армении»: А. Битов (1967)

Андрей Битов (1937–) в 1967 году провел в Армении лишь две недели, но для завершения «Уроков Армении», написанных на основе тогдашних впечатлений, ему понадобилось два года. Эта поездка Битова была путешествием по контракту с издательством с целью собирания материалов для очерка на тему «Армения: раньше и теперь». На это в произведении делается постоянное ударение.

Во второй половине 1960-х годов, когда «сближение и слияние наций» было лозунгом национальной политики СССР, издательство вероятно ожидало, что Битов напишет историю о прочной дружбе русского рассказчика с армянами. Но «Уроки Армении», которые Битов завершил, потратив два года, оказались, вопреки тенденции того времени, историей чувства одиночества русского рассказчика на чужбине, историей его расхождений с армянами.

Узнав, что рассказчик — писатель, люди в Армении не могли постоянно об этом не думать. Один армянский журналист, узнав, что рассказчик заключил контракт с издательством по поводу очерка, сразу же начинает показывать ему одну за другой «армянские» вещи: «армянский арбуз», «армянская ишак», «армянский очень толстый женщина», «армянский пиво», «обыкновенный армянский такси» и т.д.:

Я сначала улыбался, потом надумал обидеться. Но сдержался. Потом мне было уже проще: я знал, что это будет армянский забор, а это армянский столб, а это обыкновенный армянский милиционер. Как ему не надоело? Я уже не обижался, а думал: почему он так?²³

Конечно, причиной этого было то, что рассказчик — русский писатель, человек, который будет писать на русском языке об Армении.

23 Битов А. Империя в четырех измерениях. Т. 3. Кавказский пленник. Харьков-Москва, 1996. С. 23.

Данный журналист еще раз появляется в душе рассказчика, когда он после возвращения в Москву испытывает затруднение придумать подходящую первую фразу для очерка. Разумеется, что это не столько настоящий, сколько воображаемый «чужой», которого рассказчик сотворил в душе, может быть, даже против своей воли. Каждый раз, когда рассказчик придумывает такие фразы, как «Армения — солнечная, гостеприимная страна», «Армения — горячая, многострадальная земля», этот воображаемый журналист щелкает языком. Рассердившись, рассказчик спрашивает его: «Какая же она, твоя Армения?». Ответ воображаемого чужого был «Армения — моя родина». На это рассказчик думает так:

Ты прав. Но не моя же! Я не могу так написать! [...] о я же очерк пишу! Не стихи, не рассказы. О-черк. Путевые заметки. Заметки чужого человека. Заметки неармянина.²⁴

Рассказчик, приехавший в Армению с целью собирания материалов для очерка и постоянно сопровождаемый навязчивой идеей, что он обязан написать об Армении, никак не может избавиться от ощущения, что он «чужой» на чужбине.

«Уроки Армении» — это история о том, что «я» никак не может преодолеть границу, разделяющую «нас» и «их». Даже переехав границу между Россией и Арменией и непосредственно увидев людей и природу Армении, рассказчик никак не может сблизиться и слиться с «чужим». Между ним и Арменией существует какой-то незаметный барьер. Что же такое этот барьер? Рассмотрим процесс поиска рассказчиком ответа на вопрос, основываясь на главе, называющейся «Кавказский пленник».

В первом разделе главы «Тезис» представление об Армении, которое рассказчик с детства имел в душе, изображается так:

И где взял я, как родился во мне образ некой горной страны, страны реальных идеалов? Между тем страна эта всегда была рядом, где бы я

24 Там же. С. 24.

ни был; просто страна, где все было тем, что оно есть: камень — камнем, дерево — деревом, вода — водой, свет — светом, зверь — зверем, а человек — человеком. Где труд был трудом и отдых — отдыхом, голод — голодом и жажда — жаждой, мужчина — мужчиной и женщина — женщиной. Где всем камням, травам и тварям соответствовали именно их назначение и суть, где бы всем понятиям вернулся их исконный смысл. Страна была рядом, и только меня в ней не было... При каких обстоятельствах покинул я эту страну? Как давно это случилось? Не помню.²⁵

До путешествия в Армению рассказчик также следовал образцу «мечты о возвращении к своим истокам на Кавказ», которую имели в душе русские литераторы начиная с XIX века. Однако прибыв туда, он, как бы отгороженный незаметным барьером, никак не может сблизиться и слиться с Арменией. С этим рассказчиком происходят два происшествия, правда довольно незначительных, так как в «Уроках Армении» вообще не происходит ничего особенного.

Первое происшествие таково: когда рассказчик жил в Ереване у одного армянского друга, он однажды оказался в кинотеатре вместе с родственницей хозяина Аэлитой, только что приехавшей из деревни. Сначала их сопровождала сестра жены друга, но потом она куда-то ушла со своим случайно встретившимся знакомым. После кино рассказчик с Аэлитой направляется домой, но теряет дорогу в запутанных улицах Еревана. Он заблудился в незнакомом городе в полночь вместе с девушкой, которая даже мало понимает по-русски. Аэлита, которая до этого никогда не разговаривала с рассказчиком и даже ни разу не посмотрела на него, теперь послушно и покорно следует за заблудившимся рассказчиком, словно верит ему от всей души. Рассказчика охватывают фантазии: «А что? [...] Переехать в Армению, жениться на Аэлите, наделать ей детей, потом уехать навсегда и знать, что она никогда мне не изменит?».²⁶ А после того, как они наконец-то пришли домой, Аэлита опять отдалилась от рас-

25 Там же. С. 59–60.

26 Там же. С. 78.

сказчика.

Второе происшествие еще незначительнее: на банкете у другого армянского товарища маленькая дочка хозяина поет песню в честь гостя из России. Рассказчик, глубоко растроганный ее песней, выражает благодарность спевшей девочке, но при этом говорит что-то неуместное. Девочка сердится, плачет и выбегает из комнаты, а рассказчик никак не может понять, в чем же была его ошибка.

Очевидно, что эти эпизоды, рассказанные в главе с заглавием «Кавказский пленник», являются пародией на произведения Пушкина, Лермонтова и Толстого с тем же названием. Первое происшествие является сниженным повторением стихотворений Пушкина и Лермонтова, которые изображают трагическую любовь русского пленника и ‘горной девушки’, а второе — рассказа Толстого, изображающего взаимное сочувствие между пленным русским офицером и девочкой в одном кавказском ауле. Рассказчик, сам того не сознавая, последовал образцу русской литературы... Его охватывает странное ощущение, что, как он выражается, «я заперт в этих стенах, я пленник и никогда не выйду отсюда».²⁷ Я — кавказский пленник...

В комнате, где произошло второе происшествие, живут попугайчики. Они хорошо накормлены, но заперты в клетке. Слушая вокруг себя разговор по-армянски, рассказчик начинает отождествлять себя с попугайчиками:

Я заперт, я в клетке. Каждый день меня переводят из камеры в камеру. Питание хорошее, не бьют. Сколько времени сижу, не знаю. По-видимому, скоро придет приговор. Не знаю, увижу ли тебя, родная...²⁸

Однако сходство рассказчика с попугайчиками не ограничено лишь тем, что они запертые пленники. Так же как попугайчики подражают человеческой речи, рассказчик следует образцу «кавказского пленника» русской литературы. Рассказчик начинает

27 Там же. С. 81.

28 Там же. С. 84–85.

осознавать, что перегородка, разделяющая внутреннюю и внешнюю клетки и запирающая его внутри, это не что иное, как русский язык и традиция русской литературы. Его запирает не Армения, а накопленное множество произведений русской литературы, образующих историю кавказских пленников.

Но при этом кто пленник? С точки зрения рассказчика, русский язык и литература принадлежат «нам». А если так, кто заперт в «наших» клетках? Здесь в сознании рассказчика внутреннее и внешнее клетки переворачивается наизнанку:

Я в клетке — на меня все смотрят. Нет, это они все смотрят на меня из клетки! А я-то как раз снаружи! Всех обманул...²⁹

Рассказчик постигает тот факт, что русские литераторы были кавказскими пленниками и это со своей стороны заставляло быть пленниками людей Кавказа.

При этом, однако, Битов не осуждает это насилие с высоты трансцендентной точки зрения. Он хорошо знает, что сам находится в традиции русской литературы, не может избавиться от нее и, следовательно, будет заново воспроизводить своими руками традиционное представление о Кавказе в русской литературе.

Против тезиса о «возвращении к истокам в Армению», показанного в первом разделе главы, рассказчик в конце ее находит антитезис: «я [...] уже не в Армении и не в России, а в этой вот своей книге я путешествую».³⁰ А книга «Уроки Армении» написана, разумеется, на русском языке. Можно сказать, что Битов выбрал свой путь, отбросив иллюзию о возможности пересечь границу и слиться с Арменией, смело пленив себя внутри клетки русской литературы.

История расхождения с Арменией в «Уроках Армении» Битова является сознательным антитезисом «Путешествия в Армению» Мандельштама, которое изображает процесс слияния поэта с этой

29 Там же. С. 85.

30 Там же. С. 86.

землей. Проза Мандельштама была помещена в журнале «Звезда» № 5 за 1933 год с большими купюрами и исправлениями цензуры.³¹ Подвергнутая беспощадной критике за отсутствие у автора взгляда на действительность Армении,³² она не была опубликована при жизни поэта отдельным изданием. Полный текст «Путешествия в Армению», основанный на рукописи поэта, был напечатан в журнале «Литературная Армения» только в 1967 году.³³

Битов посетил Армению как раз в этом году. В апреле 1968 года в журнале «Вопросы литературы» были опубликованы также путевые записки Мандельштама о его пребывании в Армении.³⁴ Нет сомнений в том, что до завершения своего произведения Битов прочитал эти тексты: в «Уроках Армении», помещенных в журнале «Дружба народов» № 9 за 1969 год,³⁵ Битов неоднократно подчеркивает различия своего текста и «Путешествия в Армению» Мандельштама.

В качестве примера здесь можно указать на описание представления об Армении, имевшееся у рассказчика с детства, которое уже цитировалось нами выше: «страна, где все было тем, что оно есть», «страна, где всем камням, травам и тварям соответствовали именно их назначение и суть, где бы всем понятиям вернулся их исконный смысл». Считается, что эти выражения намекают на закон тождества, который Мандельштам в одной из своих статей назвал «лозунгом акмеизма».³⁶ Как мы уже сказали, в главе «Кавказский

31 Мандельштам. Путешествие в Армению // Звезда. 1933. № 5. С. 103–125.

32 Напр. см. рецензию С. Розенталя в *Правда*, 30 авг. 1933: «...От образов Мандельштама пахнет старым, прелым, великодержавным шовинистом, который, расточая похвалы Армении, хвалит ее экзотику, ее рабское прошлое, ибо о настоящем не написал ни строки Мандельштам...».

33 Путешествие в Армению // Литературная Армения. 1967. № 3. С. 83–99.

34 Записные книжки. Заметки // Вопросы литературы. 1968. № 4. С. 181–194. Под загл. «Вокруг «путешествия в Армению».

35 Битов А. Уроки Армении // Дружба народов. 1969. № 9. С. 161–227.

36 «Утро акмеизма» (1919). «А=А; какая прекрасная поэтическая тема. Символизм томился, скучал законом тождества, акмеизм делает его своим лозунгом и

пленник» Битов сначала помещает это описание как «тезис», а затем изображает процесс его аннуляции и открытия рассказчиком его антитезиса.

В отношении к армянскому языку «Уроки Армении» также отличаются от «Путешествия в Армению». В противоположность Мандельштаму, который сосредоточил свое внимание на произношении и фонетике, Битов многократно вводит в свое произведение армянские буквы и постоянно упоминает об их форме. Он также обращает внимание на семантику армянского языка. Рассказчик, который чувствует психологический барьер со стороны Армении из-за того, что он русский писатель, составляет в тетради армяно-русский глоссарий для того, чтобы избавиться от магнитного поля русского языка и хотя бы немного понять армянский язык. В результате этого он сталкивается с расхождением звука и значения в обоих языках и попадает в языковой лабиринт:

Но камар — это вовсе не комар, камар — это арка.

А арка — это вовсе не арка, арка — это царь.

А цар — это вовсе не царь, цар — это дерево.

пар — танец, пляска

гол — тепло

цех — грязь

... — ...

Но парение есть в пляске, голое и тепло — так близко... Дерево, конечно же, царственно...³⁷

В отличие от Мандельштама, который видел сущность языка в произношении, в принципе основанном на физических функциях человеческого тела, и, следовательно, не распознавал разрыв между русским и армянским языками, Битов заметно выделяет разницу между обоими языками путем обращения большого внимания на

предлагает его вместо сомнительного *a realibus ad realiora*». *Мандельштам. Собрание сочинений*. Т. 2. С. 324.

37 *Битов*. Империя в четырех измерениях. Т. 3. С. 22.

письменность и семантику армянского языка, являющиеся культурно-историческими образованиями. Вместе с тем он подчеркивает, что для понимания армянского языка русский рассказчик не может не помещать его в систему своего родного языка, за рамки которого он никак не может выйти.

Стратегия, принятая Битовым в «Уроках Армении», заключается в замыкании «себя» внутри русского языка и литературы, а также в представлении Армении как «чужого», которое невозможно ни достигнуть, ни постичь. Но не впадает ли данная стратегия в повторение биномиальной схемы «Россия — Кавказ» в русской литературе, которая с XIX века воспроизводила структуру господства России над Кавказом?

В конце своего путешествия рассказчик «Уроков Армении» посещает Мартироса Сарьяна (1880–1972) и находит в этом старом художнике, всю жизнь изображавшем пейзаж своей родины с «такой простой, прямой, последней (или первой?) точностью», олицетворение армянского «принципа национального существования» и «национального самосознания». Сарьян живет, основываясь на «других законах и категориях, неизвестных мне (рассказчику), никогда не знаемых».³⁸ Тем не менее, рассказчик чувствует глубочайшее уважение и любовь к старому армянину.

В описании «Уроков Армении» иногда ощущается слишком классический взгляд автора на нацию как духовное целое, органически гармонирующее с исконно существующими природными условиями. Однако предпосылкой современной теории национализма является положение, что нация — «воображаемое сообщество», искусственно образованное в начале нового времени. С этой точки зрения описание Битова, как бы предполагающее нацию как вечную и неизменную онтологическую реальность, представляется, может быть, даже реакционным. Но несмотря на это, «Уроки Армении» — совсем не националистическое произведение. Рассказчик признает, что «люблю-то я не Армению, а Россию», но в то же время не со-

38 Там же. С. 124.

мневается в том, что «если бы я родился снова, родился бы армянином на твоей земле, я бы безумно любил тебя, свою родину».³⁹ Он проводит четкую границу между Россией и Арменией и заставляет себя принадлежать России, но он не предполагает никакой разницы в ценности между двумя культурами:

Если бы мне дали задачу определить в двух словах, что такое культура, [...] я бы определил ее как способность к уважению. Способность уважения к другому, способность уважения к тому, чего не знаешь, способность уважения к хлебу, земле, природе, истории и культуре — следовательно, способность к самоуважению, к достоинству.⁴⁰

Повествование в «Уроках Армении», проводящее строгую границу между «собой» и «чужим», иногда неоправданно оценивается как русоцентризм, однако на самом деле оно отмежевывается от национализма в том смысле, что последовательно считает «чужого» равным «себе». Действительно, «чужой» живет по другой системе ценностей, поэтому рассказчик не может постичь его сути. Но, с другой стороны, заполнение своими словами расстояния между «собой» и «чужим» нередко сводится к подчинению чужого себе. Например, «сближение и слияние наций», в то время пропагандируемое в СССР, было не что иное, как русификация, основанная на русском языке как «межнациональном».

4. Возвращение к первоисточнику, встреча с «чужим»

Когда Мандельштам и Битов, получая в наследство традиции русской литературы XIX века, пробовали создать новое представление о Кавказе, они оказывались перед трудным вопросом о том, как литераторы, принадлежащие господствующему языку и культуре, должны относиться к насилию, которое неизбежно проникает в их произведения в силу самого написания о Кавказе на русском

39 Там же. С. 128.

40 Там же. С. 64.

языке.

Мандельштам пробовал снять или преодолеть границу между Россией и Арменией тем, что устанавливал их положения в единой универсальной системе «мировой культуры». Правда, нет сомнения в стремлении поэта придать армянскому языку статус истока русского языка, до которого он мечтал дойти. Однако здесь следует заметить, что для Мандельштама данное путешествие было односторонним: в его поэтике не предполагается движение со стороны Армении, кроме «притягивания», т.е. приглашения поэта к себе.

Интересно отметить также, что в универсальной системе «мировой культуры» в поэтике Мандельштама Россия и Армения на самом деле не равноправны: поэт устанавливает явления Армении в системе русского языка, а Армения только реагирует на стремление русского поэта гармонирующим с ним образом.⁴¹ В тот момент, когда поэт намеревался преодолеть границу, Россия, которой он принадлежал, не столько слилась с Арменией, сколько превзошла ее и стала трансцендентной над ней. И приобретающая ‘универсальность’ Россия, которая у Мандельштама почти отождествлена с ее языком,⁴² постепенно, но необратимо заключает Армению в себя.

Составляя контраст с Мандельштамом, Битов запер своего двойника-рассказчика в рамках русского языка и традиций русской литературы. Повествование рассказчика, который никоим образом не может преодолеть границу между Россией и Арменией, четко отличается от всеохватывающего повествования с трансцендентной «божьей точки зрения». Рассказчик остается внутри границы, раз-

41 Одним из примеров чего является фраза в линии «эволюции»: «И здесь и там — росток, зачаток, — [...] развивается не из себя, но лишь отвечает на приглашение, лишь вытягивается навстречу, оправдывая ожидания». *Мандельштам. Собрание сочинений*. Т. 2. С. 155.

42 Напр. см.: «О природе слов» (1922). «Русский язык — язык эллинистический. [...] Русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью. [...] Русская культура и история со всех сторон омыта и опоясана грозной и безбрежной стихией русского языка, не вмещающегося ни в какие государственные и церковные формы.» *Мандельштам. Там же*. С. 245.

деляющей Россию и Армению. В результате этого у читателей, прочитавших «Уроки Армении», остается ощущение того, что о происшествиях, о которых рассказано в этом произведении, может быть рассказано и с другой точки зрения, иначе говоря, что «чужой» без сомнения существует вне данного текста.

Отношение рассказчика с армянами в «Уроках Армении» напоминает нам о «гостеприимстве», о котором французский философ Жак Деррида (1930–2004) говорил на закате своей жизни. Согласно ему, простое «великодушие» как отношение к «чужим» еще не достаточно, так как это не больше, чем условное гостеприимство, которое проявляется лишь в том случае, когда поведение «чужих» соответствует «своим» ценностям:

Чистое и безусловное гостеприимство, гостеприимство как таковое — это то, что должно быть заранее открыто, или должно всегда быть открыто неожиданному, пришедшему как совершенный незнакомец посетителю, одним словом, чужому чужих.⁴³

Люди, которые появляются в «Уроках Армении», — девушка и девочка из главы «Кавказского пленника», старый художник Мартирос Сарьян и т.д. — были для рассказчика «чужими чужих» именно в этом смысле.

Итак, проследив пути Мандельштама и Битова, мы замечаем один парадокс: для того, чтобы не упустить из виду «чужого», нам надо раз отказаться от универсальной точки зрения и замкнуть «себя» во внутренней области — хотя, конечно для того, чтобы открыть границу, разделяющую «себя» и «чужого», и следовательно учреждающую нации.

43 Giovanna Borradori, *Philosophy in a Time of Terror: Dialogues with Jürgen Habermas and Jacques Derrida* (Chicago: University of Chicago Press, 2003); Jürgen Habermas, Jacques Derrida, and Giovanna Borradori, *Philosophy in a Time of Terror: Dialogues with Jürgen Habermas and Jacques Derrida* (2003). Японский перевод: *Teroru no Jidai to Tetsugaku no Shimei*, trans. HУJИМОТО Kazuisa and SAWASATO Takeshi (Tokyo: Iwanami Syoten, 2004), p. 199.